Шабдарова Людмила Евгеньевна, Андрианова Елена Михайловна

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАССКАЗЕ В. И. БОЯРИНОВОЙ "™ШТ?"

Для марийского литературоведения, так же, как и для отечественного, постановка проблемы взаимосвязи художественной литературы и устного народного творчества всегда была и до сих пор остается актуальной. Марийская литература второй половины XX столетия знает самые разные варианты использования этнопоэтических традиций. Одной из писательниц, сумевшей передать суть национального образа мышления и национального характера, является В. И. Бояринова. Её авторская индивидуальность и этнопоэтическое своеобразие прозы ещё не получили достаточного внимания со стороны марийских исследователей. Имеются работы лишь по поэтическим произведениям В. Бояриновой. В данной статье нами предпринята попытка изучения фольклорно-этнографических традиций в рассказе "™шт?" ("Пояс").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. II. С. 204-207. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398:82
Филологические науки

Для марийского литературоведения, так же, как и для отечественного, постановка проблемы взаимосвязи художественной литературы и устного народного творчества всегда была и до сих пор остается актуальной. Марийская литература второй половины XX столетия знает самые разные варианты использования этнопоэтических традиций. Одной из писательниц, сумевшей передать суть национального образа мышления и национального характера, является В. И. Бояринова. Еѐ авторская индивидуальность и этнопоэтическое своеобразие прозы ещѐ не получили достаточного внимания со стороны марийских исследователей. Имеются работы лишь по поэтическим произведениям В. Бояриновой. В данной статье нами предпринята попытка изучения фольклорно-этнографических традиций в рассказе «Ўштӧ» («Пояс»).

Ключевые слова и фразы: марийская литература; взаимосвязь литературы и фольклора; этнографизм; В. Бояринова; рассказ.

Шабдарова Людмила Евгеньевна, к. филол. н., доцент
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева
petjal@rambler.ru

Андрианова Елена Михайловна, к. филол. н., доцент
Марийский государственный университет
andrilea@rambler.ru

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАССКАЗЕ В. И. БОЯРИНОВОЙ «ЎШТӦ»©

На формирование марийской литературы сильное влияние оказала эстетика фольклора. Многие произведения марийских писателей отмечены фольклоризмом и этнографизмом, отражают национальный образ мышления и специфику национального характера.

Изучение опыта русских и национальных писателей XX столетия убеждает в том, что применение и подходы к фольклорным источникам мастеров слова в целом различны. Марийские литературоведы сделали справедливое заключение о том, что «…синтез фольклорных и литературных традиций на современном уровне художественного познания обогатили поэтику произведения новыми красками, различными приѐмами условности. Сказочная гипербола, образ-символ, мудрое иносказание дали писателям возможность полнее раскрыть духовное богатство людей, ярче показать гуманистическую сущность их добрых деяний. Обратившись к миру сказок и мифов, взяв за основу произведения фольклорные истоки, переосмыслив их, они усилили реалистический потенциал своего творчества» [2, с. 365]. Например, Вера Бояринова (1924–1996) – глубокий знаток марийских народных традиций, эпического знания, и многие еѐ произведения пропитаны духом устного народного творчества. Вера Ильинична принадлежит к поколению писателей, пришедших в марийскую литературу в конце 50-х – начале 60-х годов XX столетия. С ее именем связаны новаторские искания марийской поэзии, прозы и драматургии 1960-1980-х годов. Так, изучение поэтических произведений В. Бояриновой позволило С. П. Манаевой-Чесноковой сделать справедливое заключение о том, что «…еѐ поэзия стала первым глубоким откровением мира марийской женщины-современницы. Она своим творчеством подняла марийскую женскую поэзию на профессиональный уровень и, говоря строками Анны Ахматовой, —„научила” марийских женщин —„говорить”» [4, с. 29].

Одновременно В. Бояринова выступала как драматург и как прозаик. Она к марийскому фольклору обращалась при создании поэм-сказок «Окачи», «Ош йўксӧ» («Белая лебедь»), «Чоя рывыж ден ушан пӧрткайык» («Хитрая Лиса и умный Воробей»), «Кўдыронгыр кугыжаныш» («Страна колокольчиков»), повести-сказки «Овда» («Ведьма-оборотень»), по мотивам которой позже была написана пьеса [6, с. 118].

Вере Ильиничне принадлежат десятки очерков и рассказов о людях марийской деревни, сельской интеллигенции, молодежи. Лучшие еѐ рассказы изданы в 1971 году отдельной книгой под названием «Шинчалан койдымо пиал» («Призрачное счастье»). В этом сборнике автор проявила себя как пытливый искатель сюжетов. Они разнообразны, отражают восприятие действительности 1960-х годов людьми разного возраста: детьми – «Ўштӧ» («Пояс»), молодыми людьми – «Ой, коваем!» («Ой, бабушка!»), людьми зрелого и пожилого возраста – «Вашлиймаш» («Встреча»), «Йолташ ўдыр-влак» («Подружки»), «Энгыремыш» («Паук»), «Унала мийышна» («Были в гостях»), «Мировой Васлича» («Мировая Васлича»). Писательница интуитивно обращалась к началу начал духовной культуры своих сородичей. Она – глубокий знаток народных традиций и эпического знания.

Рассказы В. Бояриновой насыщены фольклорным и этнографическим материалом. Характеризуя сборник, можно констатировать, что он несѐт черты этнографического фольклоризма: типическое изображение характеров людей, народных обычаев и традиций, речевые характеристики героев, топографичность (узнаваемость пейзажа, мира марийской деревни), фольклорные вкрапления.

© Шабдарова Л. Е., Андрианова Е. М., 2014

Следует отметить то, что имеющий место фольклоризм и этнографизм в поэтическом творчестве В. Бояриновой хорошо исследован С. П. Манаевой-Чесноковой [4, с. 29-49]. Однако в прозе эта проблема практически не рассматривалась. Наша работа является первым опытом анализа ее прозаических произведений, и в данной статье особое внимание будет уделено изучению фольклорно-этнографических элементов в рассказе «Ӱштӧ» («Пояс»). Фольклорная символика рассказа, точная передача марийских этнографических реалий в деталях, характер лексики придают особую тональность всему произведению. Сюжетной основой рассказа является марийская действительность. Обращая внимание на маркировку типов несказочной народной прозы, можно сказать, что рассказ имеет некоторые аналогии с меморатом. В композиционном отношении это небольшое произведение делится на две части, и повествование осуществляется от лица героини Начи. По существу своего художественного назначения первая часть – интродукция ко второй, главной части. Персонаж сообщает о причине своего приезда в деревню, описывает окружающую действительность, даѐт изображение жизни и быта марийского народа в недалѐком прошлом. Во второй части рассказа меняется характер повествования. От описания действительности автор переходит к передаче внутреннего состояния героя (эзотерике), выраженного своеобразным воспоминанием. Мы узнаѐм о трудном послевоенном времени и детстве главной героини, истории изготовления еѐ личного пояса, о судьбе ее тѐти.

Для создания фона автор также обращается к фольклорному материалу. В данном случае уверенно можно сказать, что именно фольклорно-этнографический контекст служит определѐнным фоном для изображения послевоенных событий.

В рассказе отсутствует фольклорное произведение, которое стало бы опорным звеном текста. Писатель обращается к совокупности возможных проявлений фольклорной эстетики и ограничивается при этом передачей их содержания и смысла. Текст насыщен фольклорно-этнографическим материалом марийского народа. Живописуя народную жизнь, автор большое внимание уделяет этноисторическим, в особенности этнографическим описаниям и подробностям. С первых страниц произведения глазами фабульного героя прослеживаются подробные этнодетали: *«Мый чуланыш лектым. Кашташте акамын тувыржо, шовыржо, ишкылаште туртыктыман шем мыжер, сатин валан ужга кеча. Кӱвар ӱмбалне ӧранвочко, лукышто кум шуарвондо шога… Окна воктене пырдыжыш кырыме изи пудаште ӱштӧ кеча…»* [1, с. 162] / _Я вышла в чулан. На шесте висят рубаха, демисезонный кафтан старшей сестры, на крючках – чѐрный зимний кафтан со сборками, шуба, покрытая сатином. На полу стоят пахталка, в углу – три песта (для толчения белья и ниток). На гвоздике, прибитом у окна, пояс висит…‘ *(Здесь и далее перевод авторов статьи – Л. Ш., Е. А.)*. Детальное представление интерьера служит введением в атмосферу произведения. Далее подробно описывается личный пояс героини: *«Мыйын ӱштем. Кок тӱрлӧ меж шӱртӧ дене кандырала пунымо: пелыже чолка, пелыже ужарге. Кок мучашыже ӱпньывоч гайрак. Меж шӱртӧ денак ыштыме, парекге саска гайрак шолдыра шерым кандыра мучашке сакалыме. Той воштыр дене пӱтырымӧ шинчыр йолан шолдыра шер-влак ошкылмо годым кажныже посна-посна шке йырже пӧрдын кеча»* [Там же] / _Мой пояс. Он свит верѐвкой из двух разных шерстяных ниток: одна – светло-розовая, другая – зелѐная. Оба конца похожи на накосные украшения. Сделаны из шерстяных же ниток, концы верѐвки украшены крупными бусами, подобным ягодам картофеля. Эти крупные бусы, прикрученные медными проводками, при ходьбе кружатся по-своему в отдельности‘. В предметном мире рассказа *ӱштӧ* является главной этнографической деталью. Именно она становится объектом размышлений и оценки, поэтому название произведения автором выбрано неслучайно. «Пояса, также как передники и поясные украшения, – совершенно справедливо подчеркнуто Т. Л. Молотовой, – являлись важной частью марийского женского костюма. Особенно тщательно за своим нарядом следили девушки и молодые женщины, потому что все детали женского костюма подчѐркивали их опрятность, чистоту и хозяйственность. Не случайно детей с раннего возраста учили мастерству вышивания, умению одеваться. Также обращали внимание на манеру обувания лаптей. Ноги должны были быть похожи на два ровных столбика. Толщина ног марийки в прошлом была даже признаком ее зажиточности. О тех, кто обувал лапти не по размеру или небрежно заворачивал онучи, в народе с насмешкой говорили, что –нока она или он один раз наступит, лапти три раза слетят с ноги”» [5, с. 71]. Доказательство этому можно найти в тексте данного рассказа: *«Авам мыланем йыдалым пидыкта, изи вургыштырым йолышкем пӱтыра. Кандыра ден кандыра кокла шуэ ынже лий манын, парням дене тушкем…*

– *Шуэ йол ок кӱл! Шуэ йол ок кӱл, мый Якиман кува омыл! – (Тудо пулвуйыш шумеш кандырам пӱтырен пидеш ыле) – кечкыжам мый.*

Толашен-толашен, ик йолым пидна» [1, с. 163].

Мама обувала меня в лапти, маленькими онучами заворачивала ноги. Чтобы между завязками расстояние было небольшим, тычу пальцем…

– Не надо редкого переплетения! Не надо редкого переплетения, я не Якимова бабка! – (Она до колен обвязывала ногу оборами)‘ – ною я.

Еле-еле мы обули одну ногу.

Интересные наблюдения о поясах можно проследить также и в свадебной обрядности коми-пермяков. По их мнению, пояса играют очень важную роль, так как они являлись одновременно и подарком, и приданым, и украшением, и оберегом [3, с. 307].

Выше нами было отмечено, что значению предметных реалий автор уделяет особое внимание. В значительной мере этнографическая картина создается предметным рядом. Например, подготовка к молению в священной роще глазами Начи описывается следующим образом: *«Пӧрт тураш вес имнешке толын шогалын. Тер тич тӱрлӧ ӱзгар: под, кугу кӱмыж, алдыр, лекеж, киндерке да тулеч моло»* [1, с. 166-167] / _У дома остановилась другая повозка. На санях разная посуда: котѐл, большая деревянная тарелка, ковш для пива, кадка, хлебница и тому подобное.

В рассказе многогранно представлены одежда и украшения, например: *«Мый тылат ӱпньывочым ыштем, – мане Овдачи, чулан гыч шер мешакым пуртыш. Вич оксан ӱпньывоч шуко ий тупем кырен кошто»* / Я тебе ӱпньывоч (украшение на косе) сделаю, – сказала Овдачи, из чулана занесла мешок с бусами. Ӱпньывоч, сделанная из пяти монет, еще много лет постукивала по моей спине‘. *«Икмыняр кече гыч авамлан ойлем: – Окса уке маньыч. Теве окса…. – Кушто ыле? – Шӱшерыштыже»* [Там же, с. 164-165] / Через несколько дней говорю матери: – Сказала, денег нет. Вот деньги… – Где было? На ожерелье. Справедливо отмечено Е. А. Самоделовой, что «…одежда как непременная атрибутика человека является знаком цивилизации, свидетельствует о культурной традиции вообще и о принадлежности еѐ носителя в конкретной эпохе и социальной среде. Одежда подчѐркивает общественное начало в человеке, обозначает его сословную принадлежность, обнаруживает и обнажает социальную роль. Одежда соответствует этническому типу в его региональной и узко-локальной вариативности» [7, с. 35]. Например, портретное описание марийского костюма на одном из героев рассказа можно назвать «национально устремлѐнным (–национальным”) этнографизмом» (термин Е. Б. Далгат): *«Тер вуйышто Овдаки акам шинча. Кӱрен тӱсан караш шовычым шинчашкыже шумеш волтен, кумык пидын, матер валан шем ужгам, калошан шем портышкемым чиен. Ужга урвалтыже йымач чолка ден ужар тасмам кучыман ош кӱляш тувыржо коеш»* [1, с. 166] / На передней части саней сидит старшая сестра Овдаки. Ячейчатый платок коричневого цвета опустила до глаз и повязала вперѐд, одела чѐрную шубу, покрытую фабричной материей, обула чѐрные валенки с галошами. Из-под пола шубы виднеется рубаха из белой кудели, подол которой отделан светло-розовой и зелѐной тесьмами.

Одежда, как известно, непременно отвечает возрасту и полу человека, определяет его семейный статус. Также одежда способна подчѐркивать индивидуальность человека или, наоборот, лишать его узнаваемости. К выбору одежды для своих героев у В. Бояриновой особый подход. Автор осознанно наряжает своих персонажей в зависимости от сложившейся ситуации. Если в приведѐнном выше примере одежда главной героини представлена аккуратной и опрятной, то через некоторое время еѐ внешний вид персонажа более красноречиво говорит о крутых изменениях в ее жизни: *«Тудо ынде шапка… Йолжат пеш соптыра. Ончыч ош ӱвачкандыра дене чаткан пидын шында ыле гын, кызыт йыдал кандыра дене гына кузе лийын, туге пӱтыра. Тувыржат, шовыржат шеме. Ончыч «Семон Овдаки» маныт ыле, ынде чыланат «Сокыр Овдаки» маныт»* [Там же, с. 169] / Теперь она бледная… И ноги неряшливо выглядят. Если раньше аккуратно обвязывала их белыми завязками, сейчас же кое-как лыковые оборы завязала. И рубаха, и кафтан чѐрные. Раньше еѐ звали «Семонова Овдаки», теперь же все называют «Слепая Овдаки».

На наш взгляд, с образом Овдаки ассоциируется и образ раздвоенной березы, которая растет на могиле героини. Нужно подчеркнуть, что дерево – это природный символ динамического роста, жизненной силы, сезонной смерти и регенерации. С помощью дерева выражается определенная временная и пространственная установка, образ выступает в различных семантических функциях. Если судить по количеству упоминаний о ней в марийских песнях, сказках, поговорках, по частоте сравнений и отождествлений с человеком, можно с уверенностью сказать, что береза является символом нации. Белая береза – поэтический женский символ, лирический образ весны, света, девственной чистоты у славян, прибалтов, германских и многочисленных угро-финских племен. На Руси стройная «зеленокосая» березка всегда ассоциировалась со скромной девушкой-красавицей [8, с. 124]. В рассказе В. Бояриновой образ раздвоенной березы подчѐркивает внутреннее состояние Овдаки до еѐ заболевания и после, следовательно, этот образ, можно сказать, приобретает символический характер.

Внешняя характеристика персонажа дополняется в рассказе и внутренней. Автор для этого использует прием «внутренних жестов». Именно тогда герои становятся живее и психологически достовернее. Психологические детали становятся важным средством характеристики и Овдаки. В. Бояринова состояние героини *(В диалоге действующих лиц – Л. Ш., Е. А.)* передает следующим образом:

«Овдаки кидшыге-йолжыге, уло капшыге чытыраш тӱҥале. «Мӧҥгӧ каем, – пыкше мане тудо» [1, с. 169] / Овдаки начала дрожать всем телом. «Пойду домой», – едва промолвила она‘.

Представляя на страницах рассказа пословицы, упоминания о предсвадебных обрядах, песнях, писатель характеризует художественные способности, здоровый нрав, крепкие устои жизни народа.

В рассказе при описании семейных отношений автор умело пользуется терминами родства и свойства, которые раскрывают семейно-родственные отношения между героями произведения: *ава* мать‘, *ача* отец‘, *эрге* сын‘, *ӱдыр* дочь‘, *межнеч* самый младший ребенок в семье‘, *иза* старший брат‘, *ака* старшая сестра‘, *изи кока* младшая тетя‘, *кугу кока* старшая тетя‘, *вате* жена‘.

Обращение к фольклорно-этнографическому материалу позволяет автору не только постичь духовную и материальную традиции, но и зафиксировать, сохранить его в письменной форме, понять менталитет своих сородичей. Таким образом, фольклорно-этнографический материал становится средством передачи глубоко национальных пластов культуры, а также «приемом» постижения психоэмоциональной природы и психологии своих героев.

Список литературы

1. **Бояринова В. И.** Ош йӱксӧ: йомак, почеламут, ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Ото, 2009. 200 с.
2. **История марийской литературы.** Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. 432 с.
3. **Караваева Л. В.** О роли пояса в обрядах коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодѐжи». Кудымкар: Алекс-Принт, 2007. Т. 1. С. 307-309.
4. **Манаева-Чеснокова С. П.** Художественный мир современной марийской поэзии: монография. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2004. 188 с.

5. **Молотова Т. Л.** Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. 112 с.
6. **Писатели Марий Эл**: биобиблиографический справочник. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2008. 752 с.
7. **Самоделова Е. А.** Антропологическая поэтика С. А. Есенина: авторский «жизнетекст» на перекрестье культурных традиций: автореф. дисс. … д. филол. н. М., 2008. 54 с.
8. **Энциклопедия знаков и символов** / О. В. Вовк. М.: Вече, 2006. 528 с.

FOLKLORIC AND ETHNOGRAPHICAL ELEMENTS IN THE STORY BY V. I. BOYARINOVA«ЎШТӦ»

Shabdarova Lyudmila Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev
petjal@rambler.ru

Andrianova Elena Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mari State University
andrilea@rambler.ru

The problem of interaction of fiction and oral folk arts has always been and still remains relevant both for Mari and national literary criticism. Mari literature of the second half of the XX century introduces a variety of options for using ethno-poetical traditions. One of the authors who managed to represent the essence of national way of thinking and national character is V. I. Boyarinova. Her individuality and ethno-poetical originality of her prose has not received sufficient attention from Mari researchers. There are papers only on poetical works by V. Boyarinova. The article tries to investigate folkloric and ethnographical traditions in the story –*Ўштӧ*" (–Belt").

Key words and phrases: Mari literature; interaction of literature and folklore; ethnographism; V. Boyarinova; story.

УДК 82:801.6
Филологические науки

Статья раскрывает борьбу социологизма и эстетической мысли в оценке образа Г. Тукая на материале поэтических произведений 1920-1930-х годов. В ходе исследования определяются основные линии его. Научная новизна определяется иным подходом к интерпретации образа поэта в структуре лирических произведений: в ходе исследования обращается особое внимание на **с***оциологические и философские основы преобразования концепции идеала, в ходе чего выявляются социологические и философские детерминанты идеализации образа поэта в поэзии обозначенного периода. Оценка произведений в идейно-эстетической целостности, произведенной с новых методологических позиций, даст возможность выделить новые грани в эволюции поэтического образа.*

Ключевые слова и фразы: образ-идеал; интерпретация; трансформация; функция; социализация; татарская поэзия.

Юсупова Нурфия Марсовна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
faikovich@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Г. ТУКАЯ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1920-1930-Х ГОДОВ©

Возникновение литературы о Тукае относится к началу XX века, именно тогда и начинается идеализация Г. Тукая – «национального символа татарского народа» [12, с. 267]. В татарской поэзии появляется устойчивая тенденция к изображению образа Тукая как поэта-пророка – национального идеала [4, б. 44]. В 1920-1930-е годы в связи с утверждением марксистского литературоведения происходит социологизация национального идеала: на первое место в поэзии выходит образ Тукая как общественного деятеля за счет «оттеснения» Тукая-поэта, Тукая-художника.

Как уже известно, начиная со второй половины 20-х годов в татарской литературно-философской и культурологической мысли плюрализм художественных поисков постепенно сменяется тенденцией к художественно-эстетической унификации, обусловленной утверждением марксистского литературоведения. В истории татарской поэзии XX века 1920-1930-е годы определяются временем новых художественных поисков, так как новая культурологическая, философская ориентация становится импульсом для формирования новых тенденций в национальном словесном искусстве данного периода. Такая тенденция наблюдается и в концепции идеала.

Татарской литературе начала XX века были характерны интегративные тенденции, «романтизм идей»: романтизм, обогащенный идеями национального развития, свободы народа [9, с. 150], которые переплавляя с исламской, суфийской философией, с понятиями любви, нравственности, определили своеобразие татарского национального идеала [3, с. 127]. В исследуемый же период на первый план выходят поиски новой концепции идеала, способного отражать нужды, чаяния народа, исходящего из социалистической модели

© Юсупова Н. М., 2014